

Глава первая. НЕ ПО НЕЧАЕВУ

“ ...Это не было организованное движение, а стихийное: одно из тех массовых движений, которые наблюдаются в моменты пробуждения человеческой совести...

П. А. Кропоткин, 1899

Среди бакунинцев

“ ...Чем больше свободы у всех людей, составляющих общество, тем больше это общество приобретает человеческую сущность.

М. А. Бакунин

Летом 1871 года, когда Петр Кропоткин искал в Скандинавии следы исчезнувшего ледникового покрова, в Петербургском окружном суде проходил процесс над членами созданной Сергеем Нечаевым тайной организации «Народная расправа». Процесс был открытым, и его материалы печатались в газетах. Все были поражены откровенной, с циничной безнравственностью составленной Нечаевым программой, его «Катехизисом революционера». Революция, по убеждению Нечаева, призвана полностью разрушить существующий общественный строй. Для достижения этой цели допустимо использовать абсолютно все способы, не считаясь ни с какими нравственными преградами. Допустимы провокации, мистификации, ложь, манипуляция общественным сознанием, убийства по малейшему подозрению в неподчинении власти вождя-диктатора. Строить новое общество на развалинах старого — забота следующих поколений.

Бывший учитель из текстильного села Иваново, Сергей Нечаев появился в Петербурге в 1868 году. Этого человека, детство и юность которого прошли в нищете и тяжелом труде ради куска хлеба, человека, несомненно, незаурядного, волевого, авторитарного, переполняла ненависть ко всему обществу. Идея террора ради достижения революционного переустройства всецело захватила его. В ноябре 1869 года Нечаев приехал в Женеву, где встретился с Бакуниным и сначала произвел на него благоприятное впечатление своей энергичностью и уверенностью. На самом деле он ввел Бакунина в заблуждение, рассказав, что якобы возглавляет целую организацию революционеров, а сам бежал из Петропавловской крепости. Вернувшись в Россию, Нечаев, выдавая себя за посланца

Бакунина, действительно создал небольшой революционный кружок и очень скоро вынудил его членов убить одного из своих товарищей, студента Иванова, заподозренного в том, что он может выйти из тайной организации и рано или поздно предать ее. Его казнили превентивно, по одному лишь подозрению, в целях устрашения членов организации.

Очень скоро участники убийства были арестованы; процесс над ними шел без участия самого Нечаева, который скрылся за границу и вызвал к себе двойственное отношение общественности. С одной стороны, привлеченные по процессу молодые люди, решившие бороться за освобождение народа, не щадя собственной жизни, не могли не вызвать уважения. Однако принципы Нечаева, на которых это освобождение должно было бы основываться, встретили всеобщее осуждение. Эти иезуитские принципы изложил Ф. М. Достоевский в романе «Бесы»: он побывал однажды на заседании суда, читал газетные отчеты о процессе и очень верно предсказал многое из того, что реально произошло в России после совершения долгожданной революции в 1917 году. Но он не заметил другого движения, зародившегося как раз в дни проведения в Петербурге «нечаевского процесса». Это направление развивалось совершенно на других основах, вопреки тому, что уже тогда получило название «нечаевщины». Надо сказать, что большинство русских революционеров того времени отвергли нечаевские методы. Зато ими восхищался В. И. Ленин, спустя 40 с лишним лет воспользовавшийся многими приемами нечаевской программы, следовавший принципу «любые средства годны для победы революции» и любивший повторять, что в белых перчатках революцию не сделаешь[47].

Кропоткин в письме из Таммерфорса просил брата сохранить до его приезда номер «Петербургских ведомостей», где печатался стенографический отчет о процессе над нечаевцами. Бродя в одиночестве по финляндским холмам в поисках удобных для изучения обнажений слагающих их пород, Кропоткин мучительно размышлял над вставшими перед всем русским обществом проблемами. Как жить дальше? Что делать? Как добиться преобразования самодержавного государственного строя, не соответствовавшего духу времени? Путь реформ, которым пошла Англия, раньше всех установившая у себя конституционное правление, для России вряд ли приемлем — она отстала от Европы, и, может быть, у нее свой путь? Быть может, преобразования возможны через сельскую общину, эту ячейку коллективизма, сохранившуюся только в России?

Путь медлительных, половинчатых реформ сверху уже завел в тупик. Он оказался несовместимым с сохранением самодержавия. Для устранения же его не избежать революции, первый шаг в направлении к которой сделан декабристами. Какими же методами должна вестись революционная борьба? Декабристы были людьми высокой нравственности, хотя и они не исключали возможности цареубийства. Но «революционная» мораль Нечаева по сути означала отрицание морали. Такая революция не принесет освобождение, а лишь возвратит систему угнетения в другой форме. Прав был Бакунин, говоривший: «Свобода может быть создана только свободой». Нельзя допустить, размышлял Кропоткин, чтобы нечаевские приемы восторжествовали.

Его мысли занимало и другое событие недавнего времени — восстание в Париже, в результате которого впервые было образовано революционное, социалистическое правительство. Парижская коммуна продержалась с 18 марта до 28 мая, а потом восстание

было безжалостно подавлено. Коммунаров расстреляли у печально известной стены на кладбище Пер-Лашез или отправили на каторгу в далекую Новую Каледонию. И все же революция победила, пускай лишь в одном городе и на короткий срок. Не предвещает ли это целую эпоху европейских революций, которой неминуемо суждено охватить и Россию? Напряженные раздумья на эту тему заставили Кропоткина искать общения с теми, кто мог знать ответ — с революционерами, самым знаменитым из которых был тогда Михаил Бакунин.

В феврале 1872 года секретарь отделения физической географии Императорского Русского географического общества князь Кропоткин берет отпуск и едет в Швейцарию. О цели своей поездки никому, кроме брата Саши, не рассказывает, но она ведь могла быть просто познавательной. После Швеции — Швейцария. Что же тут особенного? Только одно обстоятельство было существенным — в Швейцарии жил Бакунин, с которым всего на год разминулся Кропоткин в Сибири.

В Цюрихе тогда была довольно большая русская колония, состоявшая в основном из студенток университета и Политехнического института. Начиная с 1868 года в Швейцарию каждый год приезжали по 15–20 девушек из России, чтобы получить высшее образование, права на которое они были лишены на родине. В 1872 году их приехало сразу больше сотни, и славянская колония, в которую входили, кроме русских, поляки, болгары, сербы, увеличилась до трехсот человек. Помимо учащейся молодежи в Цюрихе обитали и политические эмигранты; ждали приезда Лаврова, и, конечно, здесь часто бывал Бакунин, живший неподалеку, в Локарно. Как раз тогда в Цюрих приехал его близкий друг, участник Парижской коммуны Михаил Петрович Сажин[48], только что сбежавший из вологодской ссылки. Этот мужественный человек был духовным центром русской колонии в Цюрихе, возглавляя кружок социалистического самообразования на цюрихской улице Оберштрассе.

Русское правительство решило «положить конец этому ненормальному движению» — так было сказано в сообщении, опубликованном в мае 1874 года в «Правительственном вестнике». Предписывалось немедленно вернуться в Россию всем студенткам, а затем — в шестимесячный срок — еще девятнадцати российским подданным и среди них — «дворянину Михаилу Бакунину, отставному полковнику Лаврову, дворянину Николаю Огареву». Это был жесткий окрик самодержца-хозяина, а не либерального царя-освободителя. Так этот «зов с родины» и восприняли покинувшие страну люди, несогласные с самодержавным режимом, выражаясь современным языком, — диссиденты. Конечно, никто из них и не подумал откликнуться на этот начальственный приказ.

Скоро в Цюрихе открылись русская библиотека и типография, основанные Михаилом Сажиным. В типографии печатались книги Бакунина, в которых он развивал идеи безгосударственного общества. Еще год назад в Юрских горах Швейцарии Бакуниным была создана Юрская федерация Интернационала, объединившая в основном рабочих-часовщиков, живших в небольших городках Невшатэль, Шо-де-Фон, Сент-Имье, Сонвилье. Юрцы встали в оппозицию по отношению к возглавлявшемуся Карлом Марксом Генеральному совету Интернационала, который исключил в конце концов федерацию из Международного товарищества рабочих[49]. С тех пор она существовала автономно, не подчиняясь указаниям Генсовета — тем более что его штаб-квартира переехала в Нью-Йорк,

а бакунинская часть товарищества осталась в Европе, продолжая собирать международные конгрессы почти ежегодно, в то время как Генсовет за пять лет не созвал ни одного, а в 1876 году вообще объявил о роспуске созданного Марксом 12 лет назад Интернационала. В 1881 году, уже после смерти Бакунина, на съезде анархистов в Лондоне был провозглашен «Черный интернационал». До появления в 1889 году при участии Ф. Энгельса Второго социал-демократического интернационала его анархический «тезка» оставался единственным международным объединением рабочих — приверженцев социалистической идеи.

Кропоткин приехал в Цюрих именно для того, чтобы разобраться в тенденциях революционного движения в Европе, понемногу возрождавшегося после разгрома Парижской коммуны. Сразу же по приезде он снял маленькую комнату на Оберштрассе, где в основном селились русские. Сажин и Софья Лаврова приносили ему книги, брошюры, газеты; он с головой погрузился в изучение социалистической литературы. Софью, дочь ссыльного поляка С. О. Чайковского, воспитанную в семье Н. Н. Муравьева-Амурского, он знал еще с Иркутска. Ее младшая сестра Вера вышла позднее замуж за его брата Александра, а сама Софья Себастьяновна еще в юности стала женой офицера Лаврова, однофамильца прославленного народовольца. Дружба Петра с Соней продлится много лет, а через два года она примет активное участие в организации побега Кропоткина из тюремного госпиталя.

В Цюрихе, в Сониной комнате, вечерами собирались русские эмигранты и студенты. За самоваром они обсуждали социально-политические проблемы, и в этих разговорах Кропоткин находил подтверждение своим мыслям, которые рождались еще у костра в сибирской тайге и во время одиноких походов по Финляндии. Ему уже стало ясно, что эволюция общества зависит не от воли отдельных личностей, способных подчинить своей власти массы людей, а от того, чего хотят люди все вместе, от суммы единичных волей. Та же мысль высказана Львом Толстым в «Войне и мире». Чтобы определить интеграл этих волей, нужно жить среди людей, постоянно общаться с ними, узнавать о их потребностях и стремлениях, обобщать факты, анализировать. Это как в метеорологии — чтобы составить верный прогноз погоды, необходимо знать распределение атмосферного давления во множестве точек и выявлять области минимумов давления (циклонов) и максимумов (антициклонов).

Он едет в Женеву, где находился русский центр Интернационала и социалисты проводили большие митинги в бывшем масонском храме Temple Unique, который был и клубом, и университетом. В комнатах храма работали образовательные кружки, в которых изучались не только социалистическая литература, но и химия, физика, история. И всё это — совершенно легально, на основе закона о свободе слова. Для приезжего из России это было удивительно. Но еще больше Кропоткин был удивлен тем, что в Русской секции Международного товарищества рабочих, в среде революционеров царят бюрократические отношения, характерные для российского чиновничества. Одним из руководителей социалистической агитации был участник первого общества «Земля и воля» Николай Утин. Кропоткину показалось странным, что этот революционер занимал роскошную квартиру и как-то свысока относился к простым рабочим, а главное — не чужд был интриганству, духом которого была проникнута атмосфера Международного товарищества рабочих, созданного

Марксом. Такой разрыв слова и дела, идеала и действительности решительно не устраивал Кропоткина. Революционное преобразование общества невозможно без нравственной основы. Иначе все вернется обратно. Восторжествуют властолюбие и эгоизм. Достоевский увидел это в Нечаеве и решил, что так будет всегда, лишь только человек захочет изменить сотворенный Богом мир. Тогда надо согласиться с тем, что человек изначально безнравствен — но это тупик, из которого нет выхода, если не верить в неземное происхождение морали. Нравственность существует в природе, всегда гармоничной, а значит, есть она и в человеке, порожденном природой. Он появляется на свет свободным, и ему не нужна власть других людей, лишаящая его свободы...

— Нет, вы к нам не вернетесь, — мрачно предсказал Утин, прощаясь с Кропоткиным, который отправлялся в окруженный горами Невшатель к бакунинцам-«федералистам», расходившимся с марксистами в отношении к государству и к централизованной структуре самого Интернационала. Около недели провел Кропоткин среди часовщиков Невшателя, потом побывал в Сонвиле. Здесь он встретился с такими активными деятелями Юрской федерации, как Джеймс Гильом[50], коммунары Парижа Бенуа Малон, писавший книгу о днях Коммуны, и Адемар Швицгебель, друг Бакунина, который был избран секретарем федерации, но при этом продолжал зарабатывать на жизнь часовым ремеслом.

Знакомство с бакунинцами оказало на Кропоткина сильнейшее влияние. Ему понравилось, что в Юрских горах не было того противостояния руководителей и рядовых членов организации, какое он видел у марксистов в Женеве. В соседней деревне у него завязался оживленный разговор о социальных проблемах с часовщиками. Они пришли из других деревень, несмотря на непогоду, порой за десять километров — специально, чтобы встретиться с «товарищем из России». Кропоткин поддержал Бакунина в его критике государственного социализма, приверженцем которого был Генеральный совет Интернационала. Он согласился с тем, что государство, тем более в форме диктатуры, несовместимо с социализмом, который при сохранении государственной организации неизбежно разовьется в политический и экономический деспотизм.

Огромное влияние Бакунина на юрских часовщиков было преимущественно нравственным. Он никогда не допускал подавления людей своим авторитетом. В Швейцарии им был создан центр пропаганды анархизма, откуда идеи безвластия стали распространяться в другие страны. Петр Кропоткин с энтузиазмом воспринял эти идеи. Но тогда, в 1872 году, он не поехал к Бакунину — счел это преждевременным, может быть, боясь оказаться в роли второго Нечаева, воспользовавшегося доверчивостью великого революционера. Он никак не мог предполагать, что всего через несколько лет будет признан продолжателем бакунинского дела, лидером мирового анархического движения. Впоследствии он очень жалел о том, что не встретился с Бакуниным, не съездил к нему в Локарно, где тот жил. Поговорить с ним было необходимо, поскольку одно место в программе юрских федералистов Кропоткин принял не сразу, а только после мучительных раздумий в бессонные ночи. Это был пункт о неизбежности революции, еще более грандиозной, чем Великая французская. Еще во время сибирских путешествий он задумывался над тем, насколько допустимо в революции нарушение нравственных принципов, — и пришел к убеждению, что революция неизбежна, потому что процесс постепенных эволюционных изменений закономерно прерывает революционный скачок, резко меняющий темп

эволюции. Ускоряя эволюцию, он спасает общество от застоя и загнивания. «Вопрос не в том, как избежать революции, — говорил он, — ее не избежать, а в том, как достичь наибольших результатов при наименьших размерах гражданской войны, то есть с наименьшим числом жертв, и по возможности не увеличивая взаимной ненависти»[51].

Как этого достичь? И сторонники Бакунина, и марксисты считали, что без жертв в революции никак не обойтись, а ее успех окупает все жертвы. У Кропоткина появился свой взгляд на эту проблему: при подготовке революции надо достичь такого состояния в обществе, когда новые идеалы, которыми вдохновляются угнетенные классы, осуществляющие революционный поворот, глубоко проникнут в сознание людей того самого класса, экономические и политические привилегии которого предстоит разрушить. «Исход борьбы, — утверждал он, — будет зависеть не столько от ружей и пуль, сколько от творческой силы, примененной к переустройству общества на новых началах. Исход будет зависеть в особенности от созидательных общественных сил, перед которыми на время откроется широкий простор, и от нравственного влияния преследуемых целей, и в таком случае преобразователи найдут сочувствующих даже в тех классах, которые были против революции...»[52]

К такому пониманию сущности революции, отличному от представлений и Маркса, и Бакунина, Кропоткин пришел еще в 1872 году, когда познакомился с Центром социалистического движения в Швейцарии. С этими мыслями он уезжал на родину, где на волне подъема общественного движения возникали многочисленные молодежные кружки саморазвития и самообразования. Среди них наиболее значительным был тот, что стал называться «кружком чайковцев». В него, по рекомендации Дмитрия Клеменца[53], вступил весной 1872 года Петр Алексеевич Кропоткин, сотрудник Географического общества, бывший камер-паж императора.

От кружка самообразования к обществу пропаганды

“ Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей... До сих пор горжусь, что был принят в такую семью.

П. А. Кропоткин, 1899

Возвращаясь из Швейцарии в Россию, Кропоткин вез чемодан с нелегальной литературой, которую очень рассчитывал как-то переправить через границу. Путь пролегал через Бельгию, где ему пришлось снова столкнуться как с централистскими, так и федералистскими настроениями среди социалистов. Проехав Вену, он завернул в Краков, где нашел контрабандистов, согласившихся переправить «нелегальщину» всего за 12 рублей. На условленной станции, уже по другую сторону границы, опасный чемодан снова оказался в руках его владельца. В Петербурге Петр сразу поехал к брату — показать не без риска

доставленные «трофеи». Оба согласились в том, что все эти книги, несомненно, очень кстати поступили в Петербург именно сейчас, когда началось повальное увлечение молодежи социализмом. В кружках самообразования молодые люди изучали новейшую социалистическую литературу и постепенно начали распространять свои знания в народе, превращая кружки в общества революционной пропаганды.

В университете у Кропоткина, чувствовавшего себя «переростком», был только один друг, хотя моложе его на шесть лет, — Дмитрий Клеменц. Как и Кропоткин, он принял решение оставить университет, но немного раньше. Потом он тоже станет известным ученым, географом и этнографом, но сейчас совесть заставляла его отдать свои силы служению обществу. Вот как писал о своем друге Кропоткин: «Жил он бог весть как. Сомневаюсь даже, была ли у него постоянная квартира... То немногое, что он зарабатывал... с избытком покрывало его скромные потребности, и, кончив работу, Клеменц плелся на другой конец города, чтобы повидаться с товарищами или помочь нуждающемуся приятелю... Он, несомненно, был очень талантлив. В Западной Европе гораздо менее одаренный человек, чем он, наверное, стал бы видным политическим или социальным вождем. Но мысль о главенстве никогда не приходила ему в голову. Честолюбие было ему совершенно чуждо». В мае 1872 года Клеменц ввел Петра Кропоткина с его нелегальной литературой в небольшую группу молодежи, известную в Петербурге под названием «кружка чайковцев».

Николай Чайковский[54], студент естественного факультета университета, не был ни организатором, ни идеологом кружка, превратившегося вскоре в большое общество социалистической пропаганды с филиалами в тридцати семи губерниях. Он лишь ведал внешними связями, и поэтому фамилия его часто упоминалась как в разговорах, так и позже в материалах следствия. Обаятельный в общении, искренний, доброжелательный, он был своего рода «лицом» кружка — отсюда и возникло название «чайковцы».

Мысль о совместных занятиях самообразованием появилась сначала у курсисток первых женских курсов, открывшихся в Петербурге весной 1868 года на Фонтанке, у Аларчинского моста. Это были три сестры Корниловы и Софья Перовская — дочь генерала, гражданского губернатора Петербурга; она отличалась исключительной скромностью и серьезным отношением к занятиям, в которых поначалу не было никакой политической окраски. Политики не было и в первое время после присоединения к кружку дочери генерала Марии Лешерн фон Герцфельд, а вслед за ней двух студентов Медико-хирургической академии Марка Натансона[55] и Василия Александрова, живших в коммуне на Большой Вульфовой улице. Весной 1871 года все переселились в общежитие в дачном поселке Кушелёвка. Изо дня в день шли обычные занятия математикой, физикой, биологией. И только постепенно в круг чтения стали включаться книги по политэкономии и социологии, журналы со статьями Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Шелгунова. Под руководством Натансона по ним составляли рефераты, зачитывали и обсуждали их.

Перовская ушла из дома отца-генерала, который даже пытался ее разыскать с помощью полиции. Для занятий кружка девушки снимали то квартиру, то дачу и жили там коммуной. К ним присоединялись новые люди: Анатолий Сердюков, Александр Левашов, Сергей Синегуб, Орест Веймар[56], Софья Лаврова... Тогда же в Петербурге неожиданно появился приехавший из Швейцарии, никому пока не известный Сергей Нечаев. Ссылаясь на

полномочия, якобы полученные от Бакунина, он стал призывать студентов к организации политической демонстрации, которая, по его замыслу, послужит сигналом ко всеобщему народному восстанию. В том, что народ к нему уже готов, Нечаев не сомневался. Но он оттолкнул от себя многих возможных соратников убеждением в том, что цель революции — только разрушение, для которого годны любые средства. Молодежь объединилась в стремлении противостоять программе Нечаева, в которой ставка делалась на личность сильного, неконтролируемого лидера и строгую иерархию подчинения. Поэтому в кружке «чайковцев» свято соблюдался принцип неавторитарности.

В начале 1870-х годов кружок обосновался в четырехкомнатной квартире на Кабинетной улице, хозяйкой которой считалась Вера Корнилова, дочь крупного фарфорового фабриканта. Марк Натансон с женой, Николай Лопатин и Вологжанин Михаил Куприянов по прозвищу «Михрютка» значились квартирантами. Остальные приходили по вечерам: обычно вокруг самовара собирались все 15, а потом и 20 членов кружка. Никакого устава эта неформальная организация молодых людей не имела, никаких формальностей при вступлении не было. Требовались только личное желание и согласие всех принять этого человека в свой круг. Единство взглядов на основные проблемы реальной жизни, высота и твердость моральных принципов, искренность и правдивость — вот качества, которыми должен был обладать «чайковец». Все участники были совершенно равны в своих правах и обязанностях. Никакого командования и принуждения не допускалось. Дисциплина согласовывалась со свободным самоуправлением каждого, но при этом действовали принципы нравственной солидарности и безусловного доверия друг к другу.

В конце жизни Николай Васильевич Чайковский вспоминал в письме друзьям в январе 1926 года:

«Мы были тогда... самодельным, на русской почве выросшим рыцарским орденом. Нам казалось, что на нас самой историей возложена миссия открыть народу какую-то правду, которую знали только мы одни». Интересно, что после полного разгрома анархистского движения большевиками в 30-х годах XX века последователи Кропоткина Аполлон Карелин и Алексей Солонович предполагали возможным именно в небольших группах, подобных кружку «чайковцев», проводить этическую подготовку к будущему безвластному обществу.

Собирались же «чайковцы» для того, чтобы совместными усилиями расширить круг знаний каждого. Готовились рефераты книг по истории и экономике, которые обсуждались совместно, устраивались чтения вслух новинок литературы. Затем от самообразования перешли к так называемому «книжному делу». Речь шла о скупке и распространении книг, которые могли бы содействовать развитию социального сознания народа. Составлен был список таких книг из тридцати трех названий. Их покупали в магазинах, стараясь быстрее скупить те, которые могли быть конфискованы жандармами, — тут надо было успеть до их прихода.

Потом появилась группа переводчиков. Были переведены на русский язык и изданы в Женеве книги Фурье и другого утопического социалиста Консидерана, а также научные книги, например «Естественная история мироздания» Эрнста Геккеля. Анатолий Сердюков и Михаил Куприянов организовывали переправку книг из-за границы. Потом наладили и свою

небольшую типографию. В пределах России книги распространялись через кружки-филиалы, с которыми держали связь «чайковцы». Они часто выезжали из Питера то в Одессу, то в Москву, то в Киев или Харьков, Саратов... Вроде бы чтение — безобидное дело, но в Российской империи и оно считалось крамольным.

Летом 1871 года жандармы напали на след «книжников»: без суда Натансон был выслан на Север, Чайковский на полгода посажен в тюрьму, захваченная литература сожжена. Но оставшиеся на воле быстро восстановили прежнюю активность, и дело продолжалось. К осени число членов кружка возросло до семнадцати, а весной 1872-го — до девятнадцати. Тогда были приняты выпускник артиллерийского училища Сергей Кравчинский[57] и князь Петр Кропоткин, который стал самым старшим по возрасту членом кружка. Ему было тридцать, в то время как большинство составляли ровесники Кравчинского, которому шел двадцать первый год, а двум самым юным кружковцам — Соне Перовской и Мише Куприянову — было лишь по восемнадцать.

Появление среди «чайковцев» Кропоткина, ученого, старшего среди них, да к тому же еще аристократа, с внушительной пышной бородой, не внесло в кружок диссонанса. Новичка приняли с доверием, он произвел на всех самое благоприятное впечатление своей простотой и искренностью и сразу предложил содействовать созданию при дворе «партии конституции», используя свое происхождение и юношеские связи. Предложение это предполагало двойственную роль Кропоткина при дворе и было отвергнуто: обман неприемлем для «чайковцев», противостоявших иезуитским принципам «нечаевцев».

Вместе с Кравчинским, уже начинающим писателем (потом он станет известен под псевдонимом Степняк), Кропоткину было поручено вести все литературные дела кружка, прежде всего — сочинять книжки для народного чтения. За дело взялись охотно. В нем принял участие еще один «чайковец» — член московского кружка Лев Тихомиров[58], которого друзья звали «Тигричем». Кропоткин и Тихомиров вместе написали сказку о четырех братьях, живших в лесу, и о их приключениях в тщетных поисках справедливости. Получилось своего рода переложение поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Другая их совместная книжка популярно излагала историю пугачевского бунта, которую власти по-прежнему замалчивали. Обе книжки, откровенно призывавшие крестьян к восстанию против помещиков, были изданы «чайковцами» в Женеве.

Литературным и идейным вдохновителем «чайковцев» был потомственный рязанский дворянин В. В. Берви-Флеровский. Его книги «Положение рабочего класса в России» и «Азбука социальных наук», написанные простым и доступным языком, доказывали необходимость социального переустройства общества на основе не классовой вражды, а сотрудничества: «Не подлежит сомнению, что обществу придется сначала основательно освоиться с идеей о товарищеских отношениях между капиталистами и рабочими...» Берви-Флеровский звал к нравственной революции внутри каждого человека, которая, несомненно, приведет к революции социальной, но без той жестокой борьбы людей между собой, которая лишь ослабляет человека и тормозит продвижение общества по пути к счастью.

Другой кумир «чайковцев» — Петр Лаврович Лавров, полковник, преподававший в Артиллерийской академии, уволенный из нее и сосланный в Вологодскую губернию за свои публикации и участие в неразрешенной властями «Издательской артели». В ссылке, из которой он бежал с помощью Германа Лопатина[59], им были написаны «Исторические письма», оказавшие значительное влияние на зарождающееся народническое движение. По существу, и Лавров, и Верви говорили почти одно и то же, хотя различия в их взглядах были немалые. Они заставляли своих читателей сомневаться, вызывали желание докопаться до истины в результате многочасовых споров. Среди книг, распространявшихся кружковцами, был и «Капитал» Карла Маркса, первый том которого в 1866 году был переведен на русский язык тем же Германом Лопатиным. И эта книга, помимо несомненного уважения к титаническому труду автора, тоже вызывала споры. В частности, Кропоткин, неравнодушный к математике, находил, как ему казалось, погрешности в математических выкладках Маркса.

Формы деятельности кружка постоянно менялись. Продолжая заниматься «книжным делом», «чайковцы» перешли к непосредственному общению с рабочими петербургских заводов и фабрик. Постепенно возникли кружки в Москве, Одессе, Казани и других городах, образуя целую сеть, которую потом называли «Большим обществом пропаганды». Его ядром был кружок в Петербурге. На всю жизнь остались друзьями Кропоткина многие «чайковцы»: бывший офицер Леонид Шишко, студент-вятич Николай Чарушин, Сергей Синегуб — сын помещика и поэт, студент Левашов да и сам Николай Чайковский, в характере которого все отмечали исключительную доброту и мягкость... Все они были людьми высокой нравственности, и это их объединяло.

Пройдет меньше десяти лет, и та самая Софья Перовская, которая была любимицей «чайковцев», с гордо поднятой головой взойдет на эшафот как участница убийства императора Александра II 1 марта 1881 года. «Со всеми женщинами в кружке у нас были прекрасные товарищеские отношения, но Соню Перовскую мы все любили...» — писал Кропоткин. «Она очаровывала своим умом, покоряла непреодолимо убедительной речью и, главное, умела одушевить, увлечь собственной заразительной преданностью делу» — так охарактеризовал Перовскую другой «чайковец» — Сергей Кравчинский, который в те годы стал и до конца своей недолгой жизни оставался самым большим другом Кропоткина. Отставной артиллерийский поручик, проучившийся два года в Земледельческом институте, Сергей удивлял всех своим талантом полиглота: переводил с французского, немецкого, английского, в том числе капитальный труд французского астронома Камилла Фламариона «Атмосфера».

В переводе с английского нескольких страниц из книги Генри Стэнли «Как я нашел Ливингстона» однажды принял участие и Кропоткин. Дело было после сходки, которая затянулась до полуночи; к четырем часам утра перевод, предназначавшийся для журнала «Всемирный путешественник», был закончен. Опустошив горшок каши, оставленный для них на столе, они отправились домой. И с той ночи стали друзьями на долгие годы: «Я всегда любил людей, умеющих работать и выполняющих свою работу как следует. Поэтому перевод Сергея и его способность быстро работать уже расположили меня в его пользу. Когда же я узнал его ближе, то сильно полюбил за честный, открытый характер, за юношескую энергию, за здравый смысл, за выдающийся ум и простоту, за верность,

смелость и стойкость».

Всего два года Кропоткин общался с «чайковцами», посещая их собрания, но спустя почти 30 лет он вспоминал: «Наш кружок оставался тесной семьей друзей. Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей, как те человек двадцать, которых я встретил на первом заседании кружка Чайковского. До сих пор я горжусь тем, что был принят в такую семью».

Цели, которые преследовали «чайковцы», никак не предполагали насильственного захвата власти, а только просвещение народа, пробуждение в нем гражданской активности, подготовку России к демократическим формам правления, обеспечивающим социальную справедливость. Хотя они следовали атеистическому мировоззрению Герцена, Белинского, Чернышевского и Лаврова, их аскетизм и самоотверженность были близки религиозному чувству. По существу, они вывели свою веру из той, от которой отказались, основав ее на тех же заповедях Нагорной проповеди. Поэтому для некоторых оказался нетруден возврат назад: к идеям «богочеловечества» (хотя лишь на время) обратился Чайковский, к православию — Лев Тихомиров, ставший даже убежденным монархистом. Кстати, и в учении Кропоткина находил христианскую основу его последователь математик и философ В. В. Налимов, годы проведенный в сталинских лагерях. Все это будет потом. А пока они — революционеры, готовы жертвовать собой, зная, что за пропаганду идей свободы и справедливости в России им не избежать тюрьмы либо каторги.

Аресты начались уже осенью 1873 года. В ночь с 10 на 11 ноября целый отряд жандармов и полицейских нагрянул на квартиру Сергея Синегуба за Невской заставой. Забрали его и Льва Тихомирова, случайно оставшегося ночевать. Потом арестовали Софью Перовскую и еще несколько человек. Возможно, в Третьем отделении пока не представляли себе масштаб организации, распространившейся на всю Россию. Но какие-то подозрения возникли. Начался поиск. Переодетые жандармы наводнили рабочие районы Петербурга. Однако никаких компрометирующих материалов, ни одного документа, который можно было бы положить в основание обвинения, найдено не было, пока во второй половине ноября 1873 года не появилась написанная Петром Кропоткиным специально для кружка программная записка, озаглавленная «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?».

Нужен ли идеал?

“ Никакая революция невозможна, если потребность в ней не чувствуется в самом народе.

П. А. Кропоткин, 1874

«Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? Я полагаю, что должны» — так начинается «Записка» Кропоткина. А дальше он впервые развивает свою концепцию революционной перестройки общества, основанную на анализе различных течений

социалистической мысли и собственного опыта пропагандистской работы. Она противостояла нечаевской программе, направленной только на разрушение. Кропоткин же вынес на обсуждение кружка прежде всего проблему созидания будущего общества.

У Нечаева было так: «Мы прямо отказываемся от выработки будущих жизненных условий как несовместимой с нашей деятельностью... Мы считаем дело разрушения настолько громадной и трудной задачей, что отдаем ему все наши силы и не хотим обманывать себя мечтой о том, что у нас хватит сил и умения на созидание... Пусть новое здание строят новые плотники, которых вышлет из своей среды народ...» Противореча ему, Кропоткин начинает свою «Записку» с обоснования необходимости ориентации на самый высокий идеал. Он, в общем-то, един для социалистов всех оттенков — как можно более полное равенство условий развития всех членов общества. «Без равенства не может быть справедливости», — декларировал «отец анархизма» Прудон. В понимании Кропоткина это равенство возможностей, но никак не механическое выравнивание по линейке самих личностей. Всякая попытка определить будущий строй точнее — бесполезная и бесплодная трата времени. Нет такого ума, который мог бы так далеко вперед расчертить план будущего. Думая о будущем, он неизбежно будет исходить из сегодняшних представлений, но ведь они могут измениться...

В «Записке» многое выглядит наивным и утопичным. И хотя Кропоткин утверждает, что решить в деталях, каким будет будущее общество, заранее невозможно, он пытается это сделать. Естественно, ему это не удастся. В его схеме можно обнаружить элементы того самого государственного, регламентированного, казарменного коммунизма, противником которого он себя считал. Но на полях рукописи Кропоткиным записана важнейшая мысль: «Под идеалом мы разумеем такой строй общества, прогресс которого основан не на борьбе людей с людьми, а людей — с природой». Кропоткин всегда считал общество генетически связанным с природой, и в этой фразе нашли отражение гуманистическое начало социологической концепции Кропоткина и ее экологичность, ибо слова «борьба с природой» надо понимать не как уничтожение природы, а сотрудничество с ней, стремление к гармонизации отношений с ней человека — порождения природы, остающиеся ее частью.

Ответив на вопрос, поставленный в заголовке: «Я полагаю, что должны», Кропоткин объяснял такой ответ: «Во-первых, потому что в идеале мы можем выразить наши надежды, стремления, цели, независимо от практических ограничений, независимо от степени осуществления, которой мы достигнем, а эта степень осуществления определится чисто внешними причинами. Во-вторых, потому что в идеале может выразиться, насколько мы заражены старыми предрассудками и тенденциями. Если некоторые бытовые стороны покажутся нам так святы, — что мы не посмеем их коснуться даже при разборе идеальном, то насколько же велика будет наша смелость при практическом уничтожении всяких бытовых особенностей. Другими словами, хотя умственная смелость вовсе не есть ручательство за смелость практическую, но умственная мыслебоязнь есть уже, наверное, мерило мыслебоязни практической...

...В самом деле, все теперешние социалисты стремятся к возможно более полному равенству условий развития отдельных личностей и обществ. Все они желали бы осуществления такого строя, чтобы каждый имел одинаковую возможность заработать себе

средства к жизни личным трудом, т. е. чтобы каждый имел бы одинаковое право на пользование теми орудиями труда и сырьем, без которых никакой труд невозможен... чтобы распределение полезных занятий в обществе было такое, при котором невозможно образование класса, занятого пожизненно, а тем более наследственно, исключительно привилегированным трудом, т. е. трудом более приятным, менее тяжелым и менее продолжительным, но дающим право на одинаковое благосостояние с прочими, или даже больше: чтобы каждый имел одинаковую возможность наравне со всеми остальными получить то теоретическое образование, которое ныне составляет удел лишь немногих, чтобы отношения отдельной личности ко всем остальным были бы таковы, при которых, пользуясь наибольшею суммою благ от этих отношений, она несла вместе с тем наименьшее количество стеснений ее личной свободы и ее личного развития...

...Такова программа громадного большинства, едва ли не всех социалистов нашего времени. Даже те, которые, по-видимому, проповедуют идеал совершенно иной, те, которые, например, проповедуют в конечном идеале государственный коммунизм или иерархический строй и т. п., в конце концов, желают того же; и если они сосредоточивают сильную власть в руках или правящего меньшинства, или выборных старцев и, таким образом, приносят в жертву, например, личную самобытность, то отнюдь не потому, чтобы они не придавали ей никакой цены или считали ее вредной, но только потому, что они не находят возможным осуществление такого строя, при котором все четыре формы равенства осуществлялись в одинаковой мере, и жертвуют одною из форм для достижения прочих. При этом никто из живых последователей этих ученых социалистов и не думает, чтобы какая бы то ни было общественная форма могла закаменеть и не подлежать дальнейшему развитию...»

«Записку» Кропоткина обсуждали на нескольких вечерних собраниях кружка. Она вызвала оживленные споры и все же была одобрена. Ее начали переписывать набело, чтобы распространять в провинциальных филиалах.

После обсуждения программы в Петербурге Кропоткин едет в Москву, где в одном из хорошо ему знакомых домов Пречистенки читает «Записку» московскому филиалу кружка. Здесь присутствуют Сергей Кравчинский и Дмитрий Рогачев, только что вернувшиеся из Тверской губернии. Два бывших офицера, они ходили по деревням как пильщики и подбивали крестьян выступить за справедливый раздел земли, находя обоснование для этого в текстах Евангелия. Были те, кто встречал их как новых апостолов, но нашлись и такие, кто донес на пришлых смутьянов. К счастью, им удалось скрыться.

И вот они вместе с другими московскими кружковцами обсуждают план дальнейших действий. В программу Кропоткина внесены поправки и дополнения. И единодушно решено — с наступлением весны все «чайковцы» идут «в народ». А осенью соберутся на съезд, где будут обсуждены результаты летних походов. Однако все получилось иначе. Уже с мая 1873 года в жандармском ведомстве было возбуждено дело о широком распространении в народе книг революционного содержания. На основании подготовленных следствием материалов министр юстиции граф Пален заключил свой доклад таким выводом: «В России существуют тайные и противозаконные общества, имеющие целью ниспровержение государства, всего существующего порядка и водворения полнейшей анархии». Впервые в правительственных документах России появляется слово «анархия». На протяжении целого

столетия оно будет исправно служить государственной власти в качестве надежного жупела, как синоним беспорядка и хаоса, противопоставляемый существующему порядку — идеальному, раз и навсегда установленному состоянию общества. Всякое покушение на этот порядок, даже просто его критика, по убеждению властей, неизбежно ведет к анархии и всеобщей гибели.

Осуществление идеала должно совершиться путем социальной революции. Но далеко не сразу. За одной революцией последует другая, за ней — третья. И чем полнее будут выполнены задачи предыдущей революции, тем более мирными будут последующие перевороты. Таким был ход рассуждений Кропоткина, которыми он поделился с «чайковцами».

Доклад в ИРГО и арест

“ Карета покатила по Дворцовому мосту. Я понял, что меня везут в Петропавловскую крепость...

П. А. Кропоткин, 1899

Новый, 1874 год Кропоткин встретил не с друзьями по кружку, а как подобает князю — в «избранном обществе», настроенном достаточно либерально. Рекой лились торжественные речи об обязанности служить родине и народу, о необходимости перемен в государственном управлении, чтобы опять-таки обеспечить благо народу. Говорили красиво, но чувствовалось, что на самом деле ораторы были обеспокоены прежде всего собственным благом. Кропоткин покинул праздничный зал рано утром и, переодевшись, отправился в один из домов за Нарвской заставой, где проходила сходка ткачей. В крестьянской одежде он уже мало чем отличался от окружающих, выделяясь разве что бородой, за которую получил от ткачей прозвище «Бородин». Оно стало его конспиративным именем.

Бородин рассказывал о том, как борются за свои права рабочие в Европе, объединившись в международное товарищество — Интернационал, как добиваются выполнения своих требований с помощью демонстраций и стачек. Его слушателей интересовало, возможно ли подобное в России, ведь полиция их может выследить, и тогда — каторга, Сибирь... «Ну что ж, и в Сибири люди живут», — парировал он и рассказывал об удивительной природе Сибири и живущих в ней людях.

Особенной популярностью у рабочих пользовался студент-медик Александр Низовкин, которому удавалось искусно подладиться под простонародный стиль поведения и одежды. Он носил сапоги, рубаху навыпуск, нарочито огрублял свою речь. Нельзя сказать, что рабочие хуже относились к другим пропагандистам — и Кравчинского, и Шишко, и, конечно, Кропоткина они слушали с огромным вниманием, но налет образованности и «барства» все же создавал некоторую дистанцию.

При этом выдавать всех на допросах начал именно Низовкин — может быть, он мстил за то, что его не сразу приняли в кружок на равных, оставив на время «кандидатом». В январе жандармами была захвачена квартира на Выборгской стороне, как раз та, где собирались ткачи и где чаще всего бывал Бородин-Кропоткин. Вновь были арестованы несколько членов кружка, а оставшиеся на свободе спешили покинуть Петербург. Сам Чайковский избежал ареста, поскольку еще в прошлом году уехал в Орел к проповеднику идей богочеловечества Маликову и, увлекшись его мистическим учением, отправился с ним в Америку. Там он провел несколько лет, пытался организовать сельскохозяйственные коммун. Кравчинский и Клеменц продолжили свое «хождение в народ» в Поволжье. Из «чайковцев» в городе оставалось человек пять-шесть, из которых прежде всего следовало бы уехать Кропоткину, в известной степени «идеологу» кружка.

В течение еще одной недели забрали всех, кроме Кропоткина и Сердюкова. Было очевидно, что, если они задержатся в Петербурге, им также не избежать ареста. Но прежде чем исчезнуть, необходимо было передать хоть кому-то, кто еще неизвестен полиции, дела громадной столичной организации с филиалами в тридцати семи губерниях. Решили принять в организацию двух новых молодых людей. За несколько вечеров им пришлось запомнить сотни адресов для пересылки книг и десятки шифров, а также информацию о рабочих кружках, которые еще продолжали действовать. А потом Сердюков съехал со своей квартиры, и следы его затерялись. То же самое следовало сделать и Петру Кропоткину. Но ведь он был географ, член научного общества, причем весьма уважаемый своими коллегами, которые связывали с ним известные надежды на развитие отечественной науки. И он не мог позволить себе исчезнуть даже в сложившейся опасной ситуации, прежде чем выступит с отчетным докладом о своих исследованиях ледниковых отложений в Финляндии и Швеции. Приглашения на заседание Географического общества были разосланы на 14 марта 1874 года. Но получилось так, что на тот же день назначили заседание петербургских геологов. По их просьбе общее собрание общества, на котором предполагался доклад Кропоткина, было перенесено на неделю. Этот перенос сыграл роковую роль.

И вот 21 марта. Кропоткин ждал этого дня с большим нетерпением. Еще бы! Каждый день вокруг дома бродили какие-то странные люди, заходили в дом, спрашивали, не продаст ли князь лес в своем тамбовском имении, где никакого леса и быть не могло, потому что имение находилось в безлесной степи. Конечно, это были сыщики, которые должны были проверить невероятное с точки зрения жандармов предположение, что Бородин, приходивший к ткачам в крестьянском полушубке, и его светлость князь Кропоткин одно и то же лицо. Среди этих странных людей он заметил однажды знакомого ткача, которого, по слухам, недавно арестовали — скорее всего, тот здесь появился для опознания.

Доклад, сделанный в тот день Кропоткиным, вызвал большой интерес. Он содержал доказательства того, что ледниковый покров распространялся в прошлом далеко на юг по Восточно-Европейской равнине. Только ледниками могли быть вынесены вплоть до нижнего течения Днепра и в долину Дона валуны, сложенные из пород Скандинавии. Лыдины, дрейфующие в холодном море, неспособны перенести такое количество валунов да еще испещрить их мелкими штрихами, направленными строго на северо-запад, показывая направление, откуда двигался лед.

Большинство ученых с возможностью полного равнинного оледенения так и не согласились. Тогда известный русский геолог Николай Павлович Барбот де Марни заметил: «Был ли ледяной покров или нет, но мы должны сознаться, господа, что всё, что мы до сих пор говорили о действии плавающих льдин, в действительности не подтверждается никакими исследованиями». С грустью он добавил: «Утратив эту гипотезу, геологи как бы осиротели...» Тогда-то Кропоткину подумалось, что необходима книга о ледниковых исследованиях, которая, возможно, уменьшит число сомневающихся.

В конце заседания обсуждался вопрос о новом председателе отделения физической географии в связи с тем, что П. П. Семенов был избран вице-президентом всего общества. Возглавить это отделение предложили Кропоткину, доклад которого, несмотря на возникшие разногласия, был признан блестящим. Но он не мог принять предложение, столь лестное для ученого, — судьба его теперь зависела от обстоятельств, никак не связанных с деятельностью Географического общества.

После доклада он пришел в свою квартиру на Малой Морской. А утром стал тщательно разбирать архив, сжигая все, что могло вызвать подозрения. Собрав вещи, в сумерках вышел по черной лестнице из дома, вскочил в дрожки и направился на ближний Николаевский вокзал. Оттуда на поезд — и в Москву.

Погони не было. Но на Невском проспекте, около здания городской думы, вдруг появился извозчик, который вскоре стал обгонять его, загораживая дорогу. На дрожках сидел тот же арестованный ткач из рабочего кружка. Жестом он попросил подождать, мол, хочет что-то сказать. Кропоткин остановил своего извозчика, подумав, что, может быть, ткач освобожден и хочет о чем-то его предупредить. Но тут сидевший с ним на дрожках незнакомый человек громко окликнул: «Господин Бородин, князь Кропоткин! Я вас арестую!» — и ловко перепрыгнул в коляску к Кропоткину. Он показал приказ о доставке задержанного к генерал-губернатору для объяснений. Вокруг уже собралась толпа полицейских: сопротивляться или бежать бесполезно.

Кропоткина повезли сначала к прокурору, которого пришлось несколько часов ожидать в приемной. Потом арестованного доставили на его квартиру, где произвели обыск, длившийся до трех часов утра. Ничего компрометирующего не удалось найти, но это не меняло дела. В ту же ночь состоялся первый допрос. Было предъявлено обвинение в принадлежности к тайному обществу, имеющему целью ниспровержение существующей формы правления, и в заговоре против священной особы Его Императорского Величества.

На вопросы Кропоткин отвечать отказался, потребовав гласного суда над собой. По характеру вопросов он понял, что жандармы практически ничего существенного о кружке еще не узнали и им приходится фабриковать улики. Так, найдя пустой конверт с адресом Полякова, спутника Кропоткина по Олёмминско-Витимской экспедиции, они вложили в него шифрованную записку. И хотя студент университета Иван Поляков никаких связей с кружком не имел, его арестовали и продержали в тюрьме недели три. Петр Алексеевич, пытаясь защитить друга, потребовал представить ему показания Полякова, который якобы во всем признался. Но их, очевидно, не было.

После первого допроса, длинного, но абсолютно безрезультатного, Кропоткина пригласили в карету. Рядом сел офицер-жандарм, имевший инструкцию не разговаривать с арестованными и поэтому не отвечавший ни на какие вопросы. Карета покатила по Марсову полю, вдоль каналов, выехала на Дворцовый мост: «Я понял, что меня везут в Петропавловскую крепость. Я любовался рекой-красавицей, зная, что нескоро увижу ее опять. Солнце близилось к закату. Тяжелые серые тучи нависли на западе над Финским заливом; прямо над головой плыли белые облака, разрываясь порой и открывая клочки голубого неба. Проехав мост, карета повернула налево. Мы въехали под мрачный свод, в ворота крепости».

Узника облачили в арестантское платье: застиранный зеленый фланелевый халат, бесконечной длины шерстяные чулки, громадные желтые туфли. И поместили в каменный мешок.

Всё. Нет больше князя Кропоткина — камер-пажа императора. Нет члена-сотрудника Географического общества, исследователя ледникового периода, нет члена Юрской федерации Интернационала и даже агитатора Бородин нет. Все это в прошлом. А в настоящем — безымянный арестант, обитатель темной и сырой камеры № 52, каземата Трубецкого бастиона.

Глубокая, мертвая тишина окружила его, когда захлопнулась тяжелая дверь камеры: ни малейшего звука, ни шороха. Камера представляла собой помещение для большого крепостного орудия. Толстые стены, оклеенные желтыми обоями, под которыми был проложен звукоизолирующий слой войлока, поглощали все шумы.

Но, когда он попробовал запеть арию из любимой им оперы «Руслан и Людмила», солдат-смотритель за дверью сразу же услышал и запретил нарушать тишину: «Петать не позволено». Но он продолжил вполголоса:

“ Ужели мне в расцвете лет
любви сказать: «Прости навек»...

Впрочем, через несколько дней охота петь пропала.

Пока Кропоткин осваивался в камере, Кабинет министров собрался для обсуждения вопроса о революционном движении, хождении молодежи «в народ» и социалистической пропаганде. Министрам были предъявлены захваченные при аресте членов петербургского кружка записка «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» и «Программа революционной пропаганды». Согласно показаниям того же Низовкина, оба документа были составлены князем Кропоткиным. Экспертиза почерка подтвердила показания.

4 марта 1875 года начальник Третьего отделения Потапов сделал представление Кабинету министров: «Ряд дознаний, произведенных в последние месяцы, приводит к убеждению, что революционная программа Кропоткина неуклонно применяется на деле многочисленными агитаторами, рассеивавшимися по всей империи и везде идущими одним и тем же путем.

Как руководство и пособие к этой преступной деятельности создалась особая литература народных книг и брошюр, грозящая извратить здравый смысл народа и подорвать в нем преданность царю и доверие к правительству... Пропаганда ведется... повсеместно и — что особенно важно — везде по одной и той же программе. Число лиц, привлеченных к дознанию, достигает уже двух тысяч и ежедневно возрастает: из них было подвергнуто аресту более 450 человек, против которых собраны особенно важные улики; но многие ускользают от преследования вследствие неуловимости самих признаков совершенного ими преступления».

Кабинет министров, рассмотрев доклад Потапова и приложенные к нему документы, пришел к убеждению: «Подобный бред фантастического воображения не может возбудить к себе сочувствия, но для того, чтобы общественное мнение отвратилось от провозвестников такого учения, начала этого учения не должны оставаться во мраке». Поэтому было принято решение сделать процесс гласным, хотя «опубликование его материалов должно производиться с крайней осторожностью».

Суд состоялся лишь через два с половиной года. Всё это время «чайковцы» содержались в самых мрачных крепостях Петербурга. Тишина Петропавловской крепости создавала ощущение полного одиночества, и Кропоткин долго даже не догадывался, что кто-то еще может быть рядом. Лишь через год он обнаружил, что в камере слева от него сидел Анатолий Сердюков, с которым они начали перестукиваться.

История крепости, воздвигнутой императором Петром I прямо напротив царского Зимнего дворца, на другом берегу Невы, была трагической и зловещей. Узниками ее казематов были и сын Петра царевич Алексей, и легендарная княжна Тараканова, якобы утонувшая в своей камере во время наводнения, и декабристы. Совсем еще недавно в них сидели Федор Достоевский и Михаил Бакунин, Николай Чернышевский и знакомый Кропоткину по Сибири поэт Михаил Михайлов. Неподалеку, в одиночной камере Алексеевского рavelина ровно 20 лет назад отбывал свое бессрочное заключение Бакунин. В марте 1854 года его перевели в одиночку Шлиссельбургской крепости, а через три года отправили в сибирскую ссылку. А вот Нечаев, осужденный три года назад на 20 лет каторги, вполне возможно еще здесь, в крепости. Однажды в одной из книг тюремной библиотеки Кропоткин обнаружил ясно очерченное сочетание букв и цифр, складывавшихся так: «Нечаев 1873». После того как был раскрыт его план побега, готовясь к которому, он распропагандировал своих охранников, условия его пребывания в камере были резко ухудшены, обрекая узника на смерть от голода и болезней. Он выдержал в крепости десять лет и умер в 1882 году в тридцатипятилетнем возрасте.

А Кропоткин рассчитывал выжить... Лишь бы дождаться суда. Сибирь-то ему не страшна. Даже неплохо было бы вернуться туда, чтобы продолжить исследования. А пока можно представить, что состоялась задуманная полярная экспедиция. По камере из угла в угол — всего десять шагов... Если повторить полтора раза, будет верста. И он решил делать ежедневно по семи верст — тысяча и еще пятьдесят шагов в день. К этим «маршрутам» добавил гимнастику с тяжелой табуреткой. Но важнее, чем физическое состояние, была необходимость сохранить способность к мысли, к работе ума. Нельзя допустить, чтобы он бездействовал. Хотелось закончить работу о ледниках. Однако просьба выдать письменные

принадлежности была отвергнута: бумагу и перья могли дать лишь по личному разрешению царя. Зато книги принесли уже через несколько часов после того, как за Кропоткиным закрылась дверь камеры. Библиотека в крепости собралась за много лет из книг, которые покупали для заключенных родственники.

Чтение — единственное возможное занятие. Прежде всего захотелось углубиться в историю, и он попросил навестивших его брата и сестру купить для него многотомную историю Сергея Соловьева и сочинения других историков. Этого чтения хватит надолго. Пока же он стал читать с интересом жития святых и русские летописи, с которыми познакомился впервые: «Псковская летопись... так живописна и такой драгоценный материал для понимания средневекового городского уклада, что ни в одной, кажется, литературе нет ничего подобного». Над всем прочитанным много думал. Мысль его привлекали вопросы взаимоотношений людей в разные исторические периоды, отношения человека и государства. Летопись отражала демократическую жизнь Пскова, средневекового «вольного города», в управлении которым принимало участие все население, что исключало появление городских «тиранов». Несомненно, это общество было близким к анархическому, в нем не было иерархии власти, и каждый гражданин чувствовал свою ответственность за судьбу города.

Интересно было сравнить историческое развитие России и Франции. Кропоткин находит сходство между, например, Людовиком XI и Иваном Грозным в их борьбе с местничеством за централизацию власти. У Петра I и Людовика XIV тоже много общего — оба укрепляли самодержавие. Александр II в какой-то мере шел к своим реформам тем же путем, что и Людовик XVI. И, пожалуй, путь исторического развития двух стран одинаково усеян жертвами, во Франции их, возможно, даже больше...

По несколько раз перечитывал он отчеты полярных путешествий, ежеквартальник Лондонского географического общества, книги по истории Костомарова, Соловьева, Стасюлевича, Шлоссера и даже Четьи минеи, «где иногда попадаются среди массы хлама такие бытовые картины, которых больше нигде не найдешь». Было прочитано множество художественных произведений; с особым удовольствием читал он в камере-одиночке романы Чарльза Диккенса.

Чтение побуждало к творчеству, к обобщениям. Но чернил и бумаги не было. И Кропоткин стал в уме составлять популярные очерки из русской истории для народа. Совершая свои ежедневные переходы по камере в семь верст, он сочинял эти очерки, повторяя их про себя много раз. И это как-то спасало от отчаяния.

В Трубецком бастионе

“ ...Тьма и сырость сразу охватили меня... Моя комната была казематом, предназначенным для большой пушки, а окно — его амбразура... Только глядя вверх, мог я различить клочок неба...

Тем временем, узнав об аресте брата, из Цюриха, где жизнь его складывалась вполне благополучно, приехал Александр. Он бросил всё и примчался в Россию, которую покинул, как ему казалось, навсегда. С огромным трудом он добился свидания с Петром, когда миновало уже шесть месяцев заключения. Однажды Кропоткину сказали, что его ведут в Третье отделение. Зачем? На очередной допрос? Но там оказался Саша, с которым они не виделись уже два года. При разговоре братьев присутствовали двое жандармов, и мало что можно было сказать друг другу. Когда прощались, Александр пообещал добиться для брата разрешения писать в камере.

Через месяц после ареста П. П. Семенов (Тян-Шанский) направил столоначальнику Третьего отделения Э. Я. Фуксу письмо: «...Я как вице-председатель Императорского Географического общества имею честь уведомить Вас... что разрешение князю Кропоткину покончить отчет по экспедиции, совершенной им в Финляндию по поручению Общества, было бы крайне желательно в видах научной пользы». Не сразу, но разрешение было дано. 1 сентября, когда шел уже шестой месяц заключения, Ф. Р. Остен-Сакен пишет П. П. Семенову: «Вашему превосходительству, может быть, уже известно о печальной участи, постигшей П. А. Кропоткина. Он арестован и содержится в секрете (то есть в заключении. — В. М.). Между тем у него находится много книг и ученых материалов, в том числе рукопись о результатах поездки в Финляндию, принадлежащих по праву Географическому обществу... Оставаясь в надежде, что со временем можно будет что-либо сделать для облегчения участи нашего сочлена...»[60]

24 сентября состоялось заседание совета Географического общества. Первое, о чем было доложено, — телеграмма от начальника австро-венгерской полярной экспедиции Юлиуса Пайера о благополучном прибытии в норвежский порт Варде. Австрийцы отсутствовали больше двух лет, ледовый дрейф казался бесконечным, но «счастливый случай», как писал сам Пайер, подарил им открытие архипелага, названного Землей Франца-Иосифа. Это как раз та земля, о возможности открытия которой говорил в своем докладе о проекте полярной экспедиции Кропоткин, ссылаясь на расчеты Н. Шиллинга. Но сам он нескоро узнает, что это предвидение сбылось. На этом же заседании общества Петр Петрович Семенов вспомнил о Кропоткине, которому, как он осторожно выразился, «обстоятельства помешали осуществить свои предположения». Ему удалось добиться высочайшего разрешения заключенному Кропоткину продолжить работу над научным трудом.

Теперь каждый день заключенному камеры № 52 выдавались по несколько листов бумаги, перо и карандаши, но только «до солнечного заката». Зимой это означало — до трех часов дня, летом — до пяти. В «Записках революционера» он писал: «Итак, я мог снова работать. Трудно было выразить, какое облегчение я почувствовал, когда снова смог писать. Я согласился бы жить всю жизнь на хлебе и воде, в самом сыром подвале, только бы иметь возможность работать».

Ему также выдавали из библиотеки необходимые книги и журналы на разных языках. Когда уносили перья и карандаши, можно было читать при свете керосиновой лампы. За книгами и работой можно было на время забываться. Но атмосфера камеры с резкими контрастами

температуры, то сырая, то угарная, делала свое губительное дело — здоровье разрушалось изо дня в день. Страшно мучил ревматизм, нажитый в осенних плаваниях по Амуру. К нему добавились начавшиеся болезненные процессы в легких и кишечнике.

21 декабря, в день именин — в Петров день — к нему пришел на свидание Саша вместе с сестрой Еленой. Говорили о том, что он будет читать корректуру книги «Исследования о ледниковом периоде», печатаемой в типографии М. Стасюлевича, и вскоре напишет об этом в письме. Но письма не последовало. А через неделю пришла записка И. С. Полякова, сообщившая, что читать корректуру будет он, а не Александр. Стало ясно: случилось то, чего следовало ждать, — брат арестован. Много позже Кропоткин узнал, что причиной ареста было письмо Саши П. Л. Лаврову, перехваченное жандармами. Не такой уж серьезный повод для жестокой расправы, которую учинили над Александром Кропоткиным — без суда и следствия его бессрочно выслали в Минусинск. Он поехал в кибитке под охраной жандармов. За ним последовала жена, похоронив маленького ребенка, с которым отцу не разрешили даже проститься. Когда через год двоюродный брат Кропоткиных Дмитрий (харьковский генерал-губернатор) лично вручил царю прошение по поводу вопиющего произвола, Александр II ответил: «Пусть посидит!»

Поляков подготовил к печати всю рукопись — более семисот страниц с приложением рисунков и карт. Она вышла в типографии Стасюлевича, но на продажу ее в России был наложен запрет. Кропоткин увидит свою книгу только через два года в Лондоне.

Его еще не раз вызывали на допрос, но он по-прежнему отказывался давать показания. Даже председателю следственной комиссии жандармскому полковнику Новицкому, который однажды стал читать ему вслух его собственный текст, завершавший брошюру «Пугачевщина». Он увлекся чтением, явно воодушевившись нарисованной там картиной свободных, самоуправляющихся общин. А потом со смехом сказал:

— Да неужели, князь, вы верите, что все это возможно среди нашей русской тьмы? Ведь на это надо двести лет, по крайней мере.

— А хоть бы и триста, — отвечал Кропоткин. — Дело ведь совсем не в сроках достижения идеала, а в тенденции, в постепенном, быть может, медленном, но неуклонном его приближении. Революция значительно ускоряет движение...

Однажды его камеру посетил брат царя великий князь Николай Николаевич, с которым Кропоткин был знаком еще в ту пору, когда служил при дворе.

— Как это возможно, Кропоткин, чтобы ты, камер-паж, мог быть замешан в таких делах и сидишь теперь в этом ужасном каземате? Как ты мог иметь что-нибудь общее с... мужиками и разночинцами?

— У каждого свои убеждения.

— Так твои убеждения в том, что надо заводить революцию? Не в Сибири ли, от декабристов, ты набрался таких взглядов?

Мелькнула было мысль — не рассказать ли монаршему посланцу всю правду о бедственном и бесправном положении народа, разорении страны и произволе властей? Ведь его явно хотят склонить к откровенной исповеди наподобие той, которую написал Николаю I Бакунин. Она не привела к освобождению дважды приговоренного к смерти революционера, но следующий царь Александр II заменил заточение «вечной ссылкой» в Сибирь, из которой Бакунину довольно быстро удалось вырваться.

Но склонить Кропоткина к откровенности брату императора не удалось. На пятнадцатый месяц заключения одиночество, которому, казалось, не будет конца, внезапно нарушилось: в соседних камерах появились жильцы. Арестов стало больше, и пустовавший Трубецкой бастион стал заселяться новыми заключенными. Им овладело глубокое волнение, когда однажды он явственно слышал, когда открыли дверь в соседней камере, прежде пустой, женский голос. У него появилась соседка. Она первая с помощью стукковой азбуки, придуманной декабристом Бестужевым, задала ему вопрос: «Кто вы?» — и сама ответила на него коротко: «Платонова». Увидели они друг друга через несколько лет, в Цюрихе — Платонова (если это была ее настоящая фамилия) возвращалась тогда в Россию с сопровождавшим ее кавказцем. О дальнейшей ее судьбе ничего не известно.

Вскоре в Трубецком бастионе у Кропоткина появились еще два соседа. В камере слева поселили хорошо ему знакомого Анатолия Сердюкова, а внизу — вчерашнего крестьянина, ставшего рабочим, одного из тех, кто слушал пропагандистские речи «чайковцев». Психика его была уже надломлена двухлетним заключением в какой-то другой тюрьме, и перестукивавшиеся с ним «чайковцы» вынуждены были стать свидетелями полного разрушения разума этого человека. В конце концов его увезли в дом умалишенных. Сердюков был более сильным человеком, но и он, выйдя на свободу после того, как его оправдал суд, застрелился. Такая судьба постигла многих из привлеченных к «процессу 193-х». Самодержавная власть безжалостно расправлялась с теми, кто посмел даже подумать о возможности ее смены.

В конце второй зимы у Кропоткина появились первые определенные признаки цинги. «Совсем как на арктической зимовке», — вспомнил он про свой проект северной экспедиции. С каждым днем болезнь прогрессировала. Его перевели из каземата Петропавловской крепости в только что построенный по новейшим правилам тюремной архитектуры Дом предварительного заключения. Здесь условия были получше. Перестукиваться с другими заключенными можно было целыми днями. Одному своему молодому соседу Кропоткин «простучал» за неделю всю историю Парижской коммуны. Но здоровье его продолжало ухудшаться. После ледяного каземата крепости он оказался в тесной и душной камере, где о семиверстных «походах» уже не могло быть и речи. Кровоточили десны, выпадали зубы, желудок отказывался переваривать пищу, хоть и получено было разрешение на доставку еды из дома. В какой-то мере его поддерживала только работа, постоянная мысль о том, что необходимо закончить труд, который никто, кроме него, в России не сделает.

На первой странице рукописи черными чернилами выведено: «Исследования о ледниковом периоде». Литературы о льдах накопилось уже немало, но современному исследователю требовалось отрешиться от устаревших, недосказанных, а зачастую и явно нелепых

представлений. Кропоткин решил провести тщательный анализ научных заблуждений, и это стало его серьезным вкладом в тогда еще не существовавшую «науку о науке», которая теперь известна как «науковедение». Как случилось, спрашивает он, что «догадка, не основанная на фактах, противоречившая десяткам сделанных уже наблюдений, была принята на веру»? И отвечает: «Причина — косность мышления, нежелание отказаться от привычного...»

А между тем еще в 1820-х годах швейцарцы Игнац Венец и Жан Шарпантье утверждали, что в Альпах и Скандинавии ледники в прошлом выходили из своих долин на равнину. Эта гипотеза была сразу же объявлена странной, сумасбродной. Но время шло, появлялись новые ее сторонники, не признанные до поры — Агассис, Чемберс, Гюйо. Уже нельзя было не считаться с большой массой фактов, добытых ими. Вера в гипотезу плавающих льдин была расшатана трудами целой фаланги талантливых и смелых физико-географов и геологов, но даже Лайелю[61] потребовалось 17 лет для того, чтобы поколебаться в своей вере! А вообще ледниковой гипотезе пришлось ждать своего триумфа около полувека.

В предисловии обоснована авторская методика исследований: «Как ни ценны сами по себе многие факты, приводящиеся в геологических монографиях в подтверждение ледниковой гипотезы, но, взятые единично, они утрачивают большую часть своей доказательности... Десятки мелких особенностей, не важные сами по себе, но постоянно встречаемые совместно, связанные между собою общей причинною связью... взаимно поддерживают друг друга и сообща составляют уже такую тесно переплетающуюся сеть, что ни одна ее петля не может быть порвана, не нарушая целостности остальных». Научный метод Кропоткина выражается формулой: «От более простого — к более сложному, от первоначального — к производному». Не спеша, обстоятельно рассказано в книге о путешествиях по Финляндии, даны меткие характеристики ландшафтов и геологических объектов. Одновременно автор излагает свои научные взгляды, подробно рассказывает о спорах, которые вел, например, с академиком Г. П. Гельмерсеном в Выборге по поводу «бараньих лбов», валунов и моренных отложений, подтверждая точку зрения данными по обширной «ледниковой литературе».

Работая над книгой, Кропоткин изучил практически всю литературу о физике и географии ледников. Сохранившиеся библиографические списки содержат более сотни наименований книг и статей на различных языках. Это прежде всего работы Л. Агассиса, Дж. Форбса, А. Гейки (его книга «The Great Ice Age», «Великий ледяной век», вышла в Лондоне в 1874 году). Внимательно изучал Кропоткин и труды русских ученых, касавшиеся проблемы ледникового периода, — Г. Е. Щуровского, Г. П. Гельмерсена, Ф. Б. Шмидта, С. С. Куторги...

В примечании на одной из страниц Кропоткин говорит о том, что книга Эрдмана имеется во французском (сокращенном) издании, которое «для не знающих шведского языка вполне может заменить оригинал». И далее добавляет: «Можно прибавить только, что занимающимся наносами очень следовало бы ознакомиться со шведским языком, который очень легок для всякого, знающего немецкий язык». Сам Петр Алексеевич, помимо немецкого, французского, английского, итальянского, владел скандинавскими языками, хорошо говорил и писал на них.

Интереснейшая особенность: факты, которые противники ледниковой гипотезы приводят в качестве возражений, Кропоткин убедительно объясняет как ее подтверждение. Например, отшелушивание поверхности гранитных скал, считавшееся доказательством правильности взглядов Леопольда фон Буха на происхождение куполовидных скал; они будто бы служат отметкой бывшего уровня моря. Но Кропоткин уверенно возражает: валуны «рассеяны безразлично — как на водоразделах, так и в углублениях страны». Только движущийся лед мог разбросать их по разным высотным уровням. Наиболее крупные валуны находят ближе к месторождению слагающих их пород, те валуны, которые двигались с ледником дальше, он дробил, шлифовал и покрывал штриховкой: сетью царапин. Борозды на валунах, вытянутые в направлении движения ледника, — самый веский аргумент в пользу теории широкого распространения ледников.

Работа над книгой в тюремном одиночестве способствовала тому, что Петр Кропоткин не утратил силы духа, так пригодившейся ему вскоре. Вторая глава исследования посвящена знаменитой системе ледниковых отложений Пунгахарью («Свиные горы»). Описание ее само по себе опровергает гипотезы о происхождении оза (так по-шведски называют эти гряды, вытянутые на десятки, а порой и сотни километров), высказанные С. С. Куторгой и Г. П. Гельмерсеном. Первый считал, что старинный вал образован встречным прибоем двух соседствующих озер. Второй, отбросив всякую возможность ледникового происхождения Пунгахарью, решил, что это остатки некогда сплющенного делювиального покрова. Еще одна гипотеза высказана шведским геологом А. Торнетом. Он считает гряду продуктом деятельности рек (собственно, как и Гельмерсен). Кропоткин подробно рассматривает каждую гипотезу, противопоставляя ей факты, им обнаруженные. И предлагает свое объяснение Пунгахарью — этот оз образован отложениями ледника, преобразованными в результате «чрезвычайно продолжительного озерного периода». Здесь П. А. Кропоткин впервые упоминает период, представление о котором впоследствии специально разовьет.

Раздел книги «Упсальский оз» — один из шедевров кропоткинского естественно-научного анализа. Прежде чем приступить к разбору проблемы, Кропоткин, будучи не удовлетворен топографическим описанием оза у шведского геолога Эрдмана, дает свое. Фактически он включил в книгу краткий геоморфологический очерк Швеции, который считает необходимым предисловием к рассмотрению расположения оз в пределах этой страны. А после детального анализа и топографии, и строения этого вытянутого на десятки километров вала делается решительный вывод: «Ядро Упсальского оза оказывается... образованием, которое не могло возникнуть действием прибоа или какой бы то ни было воды в ее жидком состоянии... Нам остается, следовательно, обратиться к воде в твердом состоянии, т. е. ко льду...» Теперь гляциологи хорошо знают, что это отложения текущих потоков внутри ледника. Но важно уже то, что Кропоткин первым признал это образование по своему происхождению ледниковым. До этого считалось, что подобного на равнинах вообще быть не может. Кропоткин убедительно, даже страстно, доказывает абсурдность таких представлений — ведь ледник, образовавшийся в горах, выносит на равнину всю отложенную им морену, и не только на поверхности ледника, а придонную и ту, что заключена внутри льда!

Кропоткин открыл существование в разных районах Земли особого типа ландшафта — ледникового, по которому можно сразу определить, что эта местность в прошлом была

занята ледниковым покровом. Этот ландшафт легко узнается в различных частях земного шара там, где встречаются такие формы рельефа, выработанные ледником, как «бараньи лбы», «курчавые скалы», фиорды, цирки, каньоны, профиль которых напоминает латинскую букву «U» и которые специалисты-гляциологи называют «трогами» или корытообразными долинами.

Тогда гляциология как наука о природных льдах Земли еще не получила соответствующего ее значению положения в системе наук, не обрела самостоятельности. Только во второй половине XX века она заняла одно из важнейших мест среди наук о Земле, и для этого немало сделали исследования Кропоткина. В книге «Исследования о ледниковом периоде» он рассмотрел закономерности образования ледников, их движения, нарастания, таяния, зависимость их существования от соотношения тепла и влаги, а также пластические свойства льда, сочетающиеся со способностью ледников к растрескиванию и дроблению при движении; выходя к морю, они рождают айсберги.

Он задумался и над тем, как распределяется температура в толще ледника и как тепловая волна из атмосферы проникает в лед, постепенно теряя свою энергию. Здесь Кропоткин сделал важное открытие, предвосхитившее достижение гляциологии, сформировавшейся окончательно к середине XX века. Только тогда получило практическое подтверждение интуитивное предположение Кропоткина о том, что на глубине во льду сглаживаются сезонные температурные различия, так что на определенном расстоянии от поверхности лед принимает температуру, равную средней годовой температуре воздуха. А если углубиться в ледник, то можно встретиться с температурой, которую имел воздух в среднем за год в прошлые времена, когда выпадал снег, ставший потом льдом. Таким образом, ледовый слой как бы фиксирует изменения климата. Если определить возраст слоев льда (это научились делать только к концу XX века по соотношению различных изотопов), то можно получить своеобразную «летопись» климата, что в последние десятилетия и делают ученые, добывая образцы льда из-под многокилометровых отложений Антарктиды и Гренландии.

Книга Кропоткина направлена против консервативной приверженности устаревшим представлениям. Она была революционной в науках о Земле. Работа над ней помогла ему выжить. Но здоровье его тем не менее становилось все хуже, особенно после того, как вместе со всеми участниками судебного процесса его перевели в Дом предварительного заключения. Врач сказал, что Кропоткину не протянуть и двух месяцев и ему срочно нужно изменить обстановку. Прокурор согласился перевести узника в госпиталь лишь в том случае, если будет дана справка, что он умрет через десять дней. Кропоткина осмотрел ассистент знаменитого физиолога А. М. Сеченова и дал требуемое заключение. И вот он в тюремном отделении Николаевского военного госпиталя, вмещающего до двух тысяч больных. Специальный одноэтажный корпус, выкрашенный в унылый чахоточно-желтый цвет, отведен тем больным, которые содержатся под стражей. В одноместных камерах тюфяки чуть помягче и питание чуть получше, чем в крепости — к умирающим врагам режима разрешено было проявить некоторое сочувствие. Но Кропоткин не умер — судьба его в очередной раз совершила резкий, неожиданный для него самого поворот.

Прорыв к свободе

“ Оно похоже на сказку, но между тем так было в действительности.

П. А. Кропоткин, 1899

Под напором лучей весеннего солнца и свежего воздуха, вливавшегося в открытое окно, болезнь стремительно отступала. Силы возвращались.

Однажды Кропоткин получил записку с воли: «Попроситесь на прогулку». Прогулку разрешили — ежедневно по часу. Было еще очень трудно ходить, но в первый же раз, выйдя во двор, узник увидел то, что заставило его пережить необычайное волнение. Раскрытые ворота на улицу были совсем близко, всего в каких-нибудь ста шагах. За ними — свобода! Ворота раскрывают каждый день, пропуская возы с дровами. Конечно, двор охранялся — вдоль тюремной стены по тропинке вышагивали два часовых. Третий стоял в будке ворот. Но все же возможность побега представилась волнующе реальной. Друзья на воле, с которыми не прекращалась связь зашифрованными записками, передававшимися при свиданиях, поддержали идею побега. Кружок, в котором были уже новые люди, лично не знавшие Кропоткина, энергично взялся за подготовку его освобождения. Потребовалось около месяца для того, чтобы найти лошадь, подходящего кучера, разработать систему сигналов...

Первая попытка была назначена на 29 июня 1876 года, день Петра и Павла. Сигнал с воли должен быть подан воздушным шариком, отпущенным в небо. Но в этот день у Гостиного Двора почему-то не продавалось ни одного детского шарика. Помеха эта оказалась кстати: пролетка с беглецом была бы непременно задержана из-за возов с дровами, которые как раз в это время оказались на улице. Организаторы побега учли это и на следующий день расставили на протяжении двух верст своих людей, которые следили за движением. По цепочке передавался условный сигнал о том, что улицы свободны. Узник должен был узнать об этом по звукам скрипки из серенького домика напротив госпиталя, который специально сняли друзья. Об этом Кропоткину сообщила Софья Лаврова в записке, вложенной в механизм часов. Там же говорилось, что побег намечен на следующий день — 30 июня.

В четыре часа дня узника вывели на прогулку. Он начал свое обычное медленное движение по кругу — как всегда, еле-еле переступая ногами. Пусть часовой думает, что сил у него совсем еще мало. Их и на самом деле было немного, но огромна была жажда освобождения. И вот тишину нарушили звуки скрипки. Как давно он не слушал музыку, да еще такую! Это была вихревая, искрящаяся мазурка Аполлинария Контского, популярного тогда польского скрипача и композитора. Теперь нужно предельно сосредоточиться. Сначала так же медленно подойти к той точке круга, которая ближе всего к воротам, и от нее рвануть напрямую... Но скрипка вдруг замолчала. Что-то случилось. Нельзя бежать. Пройти неспешно новый круг...

Через четверть часа мелодия возобновилась. И это был зов свободы, жизни, борьбы! Но снова оборвалась музыка... Стало ясно, в чем дело: в ворота медленно въехали возы с

дровами. Еще минута, и звуки мазурки понеслись в бешеном вихре. Часовой в пяти-шести шагах. Он лениво следит, как разгружают крестьяне дрова, сбрасывая их на землю, укладывают в штабеля.

«Всё! Сейчас или никогда!» — проносится мысль. Молниеносно сброшен халат — и бегом к воротам! Через несколько шагов Кропоткин услышал голоса крестьян: «Бежит! Держи его! Лови его!» Они кинулись наперерез. Одновременно за беглецом бросились три солдата и часовой. Тот был так близко, что не считал нужным стрелять, хотя мог и даже был обязан, но старался достать штыком. Штык коснулся спины, но уже промелькнули ворота. Вот улица! Пролетка!

На козлах, отвернувшись, сидел человек со светлыми бакенбардами, в военной фуражке. Он показался знакомым — и бакенбарды, и фуражка... Не провокация ли это? Ведь он так похож на великого князя Николая Николаевича, брата царя. По Петербургу потом распространился слух, что именно он увез беглеца.

Кропоткин хлопнул в ладоши, и человек на козлах обернулся. Конечно, это никакой не великий князь, а доктор Веймар. Недавний узник вскочил в экипаж. Кучер-«чайковец», Александр Левашов, хлестнул коня, промелькнули ворота госпиталя и толпа людей возле них. Все что-то кричали, махали руками, но ничего не делали. Великое дело — неожиданность!

Едва не перевернувшись, пролетка круто свернула с пустынной Кавалергардской улицы в тесный переулок. На ходу Кропоткин надел пальто и цилиндр. Сменил фуражку на цилиндр и его сосед. Через несколько минут они были на Тверской, потом — на Невском, и там остановились у громадного дома на углу Гончарной.

Знакомая квартира сестер Корниловых. Множество людей. Дружеские поздравления, объятия, поцелуи. Ничего, казалось, не изменилось за эти два года. Но долго здесь задерживаться нельзя: по тайным каналам весть о побеге, безусловно, уже движется в соответствующие инстанции.

Черным ходом два господина в цилиндрах вышли на Гончарную, где их ждал извозчик. Чтобы запутать след жандармов, помчались в места отдыха богатых петербуржцев, на острова, где на одной из дач беглец сможет переночевать. По дороге посетили самый шикарный ресторан — «Донон», куда жандармы и не догадались бы сунуться.

На следующий день весь Петербург был наводнен сыщиками, у каждого фотография человека с большой бородой. Но к этому времени он уже сбрил бороду и стал совершенно неузнаваем. В городе все передавали друг другу, что царь, находившийся в Финляндии, был взбешен и распорядился: «Разыскать во что бы то ни стало!»

Друзья укрыли Кропоткина в одной из деревень в окрестностях столицы, а через несколько дней он в сопровождении Марка Натансона выехал за границу, взяв с собой паспорт «чайковца» Левашова. Неделя поисков прошла безрезультатно. Один за другим следовали доклады царю жандармского генерала Потапова. Без прямых улик, на всякий случай, были арестованы сестра Петра Алексеевича Елена (по мужу — Кравченко) и часовой, охранявший

арестанта. Не удалось найти и арестовать только Софью Лаврову.

Наконец жандармы решили, что беглец, видимо, исчез из Петербурга. Его начали искать за границей, но почему-то не на севере, а на юге. Для этого в пограничные области Германии и в Швейцарию был командирован жандармский подполковник Смельский. К счастью, он вернулся с еще более невероятным предположением о том, что Кропоткин отправился в Америку, в Филадельфию — на Всемирный съезд социалистов.

В Петербурге решено было привлечь к суду смотрителя Николаевского военного госпиталя полковника Стефановича. На него, как на главного виновника побега, было указано в очередном докладе царю в начале сентября. Стефанович был арестован и предан военному суду вместе с двумя рядовыми и надзирателем. Проведя полгода в заключении, он умер. Но дело о побеге мятежного князя не было закрыто. В январе 1879 года жандармы получили сообщение о том, что Кропоткин якобы намерен «тайным образом» проникнуть в Россию. В пограничные пункты были разосланы приказы о задержании государственного преступника Петра Кропоткина. А еще через два года без всяких доказательств ему приписали организацию закончившегося убийством покушения народовольцев на Александра II.

Процесс над созданным «чайковцами» разветвленным обществом пропаганды состоялся в конце 1877 года и вошел в историю как «процесс 193-х». На суде не раз упоминалось имя бежавшего из заключения князя, который был однозначно признан организатором и главарем антиправительственного движения. Это обвинение только подтвердилось, когда через несколько лет Кропоткина обнаружили в Европе как активного деятеля бакунинского крыла Интернационала.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 5 июля 2025 02:05:08

██████████ ██████████ обновил 5 июля 2025 02:08:21